

НАПИСАННОЕ по-французски в конце ноября 1836 года письмо Пушкина к барону Геккерну, приемному отцу Дантеса, справедливо относится к числу важнейших преддвулетних документов. Почему же пушкинисты сравнительно редко останавливаются на вступительной части письма?

Тут не все ладно, и самая очевидная пометка — косноязычность перевода. Например, про супруга говорится, что он «совершенно естественно делается по-настоящему своей женой и господином ее поведением». Встречался и другой, ничуть не лучший вариант: «хозяином ее поведением». Взамен того, чтоб передать единый смысл выражения «мэтр де са кондуйт», переводчики враспылили, каждое слово по отдельности.

Если бы избежали детских ошибок буквализма, вместо «господином ее поведением» могло бы получиться: «Естественным образом станем наперсником своей женой и ее наставником».

Донные действующие переводы создавались тогда, когда еще не существовал многотомный «Словарь языка Пушкина». Сверяться было не с чем, отсюда небольшое количество не пушкинских, ни разу им не применявшихся выражений: «осложнилось», «подвести итог», «полностью», «сфабриковано». Не говорил Пушкин «руководили», «расстраивать». А только так: «руководствовались», «расстраивать».

За простыми ошибками укрываются более серьезные и не сразу преодолимые изъяны. Например, в тексте письма встречаем упоминание о «двулетнем постоянстве» Дантеса. Специалисты незамедлительно делают Пушкину замечание: он ошибается, он сильно преувеличивает сроки.

И еще: Пушкин в начале письма говорит о безупречности, о том, что женой заслуживает «мое доверие и мое уважение». А в соседней фразе поэт вдруг заявляет, что ухаживание производит некоторый эффект «на ее сердце».

Это что ж получается? Только что объявил о доверии и тут же сам чего-то наговаривает, не так ли?

Но не Пушкин сочинил противоречащие друг другу места. И «двулетнее», и «эффект», и кое-что еще — это не его слова, а всего лишь произвольные догадки пушкинистов.

Ученые не стремились все перепутать. Прибавляя свои вставки, они добросовестно пытались разгадать содержание утраченных или не целиком сохранившихся обрывков.

Однако невольно был нанесен существенный ущерб нашим представлениям о личности поэта. В данном виде письмо вынуждает нас подозревать, что его автор внезапно утратил ясность мысли.

И все же удержимся от соблазна заменить неловкие догадки на более благолепные, но столь же зыбкие. Взамен того попробуем достичь абсолютной точности либо полной достоверности.

Такая задача считается заведомо неразрешимой. Чтоб в нее вникнуть, нашим читателям придется напрямк воображение и соединить его с настойчивостью и упорством.

Н ОЯБРЬСКОЕ письмо к Геккерну, оставшееся неотосланным, Пушкин переписал начисто. Так образовался текст «А». Пушкинисты полагают, что тогда же поэт переписал письмо еще раз. Возник почти одинаковый с текстом «А» текст «Б». Впоследствии, в начале 1837 года, Пушкин многое сократил, а часть перенес в новое, в январское письмо к Геккерну. Вслед за тем тексты «А» и «Б» были порваны на мелкие кусочки. И, очевидно, брошены в корзину.

После кончины поэта его друзья разобрали лоскутки себе на память. И начали кое-кому отдавать отдельные клочки. В конце концов лоскутки были собраны воедино редактором «Русской

страдает многословием. Получается, что Пушкин начал было набрасывать характеристику поведения Дантеса, но отвлекся на туманное рассуждение.

Простая замена «двулетнего постоянства» на какой-либо определенный срок не устранил кутерьму разнородных определений времени. «Два года» — срок слишком долгий. «Два или четыре месяца» — чересчур короткий. Перебирая подобные варианты (еще предлагалось «две трети года»), мы не выйдем из грамматического и логического тупика.

Выражаясь по-шахматному, не сделана ли ошибка «на ход раньше»? В этой связи припомним правило текстологии: труднее всего прочитать слово, в котором видны все буквы.

Поиск утраченных слов

Александр ЛАЦИС

старинны» М. Семевским. Ключки попробовали складывать и склеивать.

Предположительно подсчитано, что текст «А» был Пушкиным изорван на 16 кусочков, из них уцелело 11. Текст «Б» распался на 32 кусочка, сохранилась половина.

Сочетая тексты «А» и «Б», оказалось возможным взаимно восполнить многие пробелы. Кроме того, для заполнения все еще оставшихся пустот привлекались подходящие выражения из позднейшего, из январского письма к Геккерну. Так образовался «сводный», он же «восстановленный» текст. Все же и в нем недоставало где одного, где нескольких слов.

В 1936 году Б. В. Казанский и одновременно с ним Н. В. Измайлов обнаруживали свои дополнительные догадки. Но далеко не все восполнения беспорядочны.

ВЕРНЕМСЯ к пресловутому «двулетнему постоянству». По Казанскому, после «de deux», после «двух» наугад вставляется «années», по Измайлову — «ans». Измайлов поясняет, что в строке остается свободное место, где могло быть еще «одно или два неизвестных нам слова».

Кроме всего прочего, текст, составленный пушкинистами, лишен смыслового единства. «Я хорошо знал, что... двулетнее постоянство всегда в конце концов...»

Тут свалены в кучу взаимоисключающие определения. Весь кусок вместе

А что, если вовсе освободиться от зрительного миража, от цифры «два»? Вместо «deux» имеет равные права другое прочтение, а именно «doux». Классический словарь Литтре отмечает фразеологический оборот «de doux propos». Он означает «сладкие речи».

Благодаря любезному содействию сотрудников рукописного отдела Московского музея Пушкина удалось ознакомиться с фотокопиями других французских писем. В четырех случаях — в письмах к Н. Н. Раевскому, А. П. Керн, В. П. Зубкову, П. А. Осиповой — «doux» написано тем же завиточно-вензельным способом, что и в письме к Геккерну!

Встречается ли сочетание «сладкие речи» в русских текстах Пушкина? Сколь угодно: «И сладко речь из уст его лилас», «Сладку речь-то говорить», «Сладкоречивый епископ», «Бог дал ее речам уверчивость и сладость».

Пригоден ли этот оборот для характеристики Дантеса?

По мнению К. Данзаса, Дантесу свойственно стремление всем понравиться — начальственным лицам, однополчанам, светским дамам. Н. М. Смирнов определяет Дантеса так: веселый, забавный, болтливый.

Доводов в поддержку предложения читать вместо «deux» — «doux» хватает с лихвой. А что против? Крепко вколотенное тяготение к умственной неподвижности.

Таким же способом представим данные принятый перевод.

«Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная <страсть> <к двулетнее> постоянство всегда в конце концов производят <некоторое впечатление> на <сердце> молодой женщины...»

Начнем подставлять взамен «сердца» что угодно: душевное спокойствие, спокойствие духа, здравый смысл, рассудок, добронравие, хладнокровие... Все варианты вроде бы возможны. Именно потому они не годятся. Они меж собой равноправны, а нам нужен неоспоримый, единственный.

Пока не перестанем гадать — а что же тут могло быть сказано про Наталию Николаевну? — решение останется не найденным.

Мы застряли на месте, Пушкин ушел вперед. Поспешим уловить дальнейший ход его мысли. И тогда поймем, что надо сменить направление нашего поиска. Уже здесь Пушкин говорит о другом, о том, как воспримет поведение ухажера общее мнение.

Как только усвоим правильный угол чтения, к нам сами придут простейшие французские обороты.

«...une persévérance de doux <propos> <l'on finira> toujours par produire <quelques commérages> sur le <compte> d'une jeune personne...»

Повторим последние слова по-русски, сохраняя особенности пушкинского правописания.

«...Все это обыкновенно кончается тем, что порождает какие-нибудь бабы толки на счёт молодой особы».

ЕСЛИ читатели заглянут в десятый том любого из массовых, из мелких академических, изданий, они увидят, что французский текст «сводного» письма совершенно не пригоден для изучения. Все слова напечатаны сплошняком. Неоткуда узнать, что тут действительно написано Пушкиным и что добавлено пушкинистами.

Из-за подобных обманных упрощений приключился прямо-таки международный конфуз. Во Франции, а затем в США перепечатали неогворенные догадки, представив все аставки на равных правах с подлинным пушкинским текстом. Мнение, что слог Пушкина делает честь любому французскому писателю, показалось несколько преувели-

Пушкин — Геккерну: «Я заставил вашего сына сыграть роль столь забавную и столь жалкую...»

ченным, а то и вовсе лишенным оснований.

На английский письма Пушкина перевел профессор Висконсинского университета Д. Т. Шоу. Он вполне определенно прокомментировал интересующую нас тираду. «Этот пассаж показывает, что госпожа Пушкина была серьезно увлечена Дантесом-Геккерном, что Дантес-Геккерн явно ухаживал за ней в течение долгого времени, и что госпожа Пушкина «во всем» призналась мужу».

На сей раз логика привела превосходного ученого к ошибочному выводу. Такие ошибки бывают неизбежны в одном случае: если за факт принята недостоверная исходная позиция. Поэтому приведем весь спорный отрывок, вернув на место угловые скобки, отделяющие не принадлежащие Пушкину «вставные» слова.

Je savais bien, qu' une belle figure, une <passion> malheureuse, une persévérance de deux <?> <années finissent> toujours par produire <quelque effet> sur le <coeur> d'une jeune personne...

«Милостивый государь, Барон! Прежде всего дозвольте вкратце изложить все, что последовало недавно. Поведение вашего достопочтенного сына с самого начала было мне с полна известно и не могло оставлять меня безучастным; но когда скоро оно держалось в пределах пристойности, и, к тому же, ведая, насколько в сем отношении жена моя достойна моей доверенности и моего уважения, я ограничил себя ролью наблюдателя, отлагая вмешательство до времени, когда почту сие нужным».

Я хорошо знал, что приятная наружность, безответное поклонение, настойчивость сладких речей — все это обыкновенно кончается тем, что порождает какие-нибудь бабы толки на счёт молодой особы. И тогда муж, если он не во все глуп, естественным образом становится наперсником своей женой и ее наставником. Готов признаться, что и мне не было чуждо беспокойство».

Обстоятельство, которое во всякое другое время было бы пренебрежительно, выручило меня весьма щастливо: я получил несколько анонимных писем, усмотрел, что час настал, и сии воспользовался».

Прочее вам известно: я заставил вашего почтенного сына сыграть роль столь забавную и столь жалкую, что моя супруга, в изумлении от всей этой свержи, не смогла удержаться от смеха. И то волнение, которое, быть может, она ощутила из-за великих и возвышенных страстей, угасло в отвращении хладном и вполне заслуженном».

Судя по приведенным строкам, опре-

ПРИХОДИТСЯ вновь и вновь настаивать на том, что Пушкин вправе владеть ему свойственным слогом. Однако ныне принятый перевод не считается, например, с тем, что в «Словаре Пушкина» вообще нет такого слова — «внешность». Как же он обходился без «внешности»? Более двадцати раз встречается «наружность».

Для наглядности дадим сводку наиболее существенных расхождений. Слева — «академический» перевод письма к Геккерну, то есть подновление, выполненное слогом XXI века. Справа — предлагаемое нами восстановление, возвращение к слогу Пушкина.

Подвести итог — вкратце изложить
Полностью — с полна
Безразличным — безучастным
Заслуживает — достойна
Красивая внешность — приятная наружность

Если только он не дурак — если он не во все глуп
Роль столь гротескную — роль столь забавную

Удивленная такой пошлостью — в изумлении от всей этой свержи
Спокойно — хладном

ЧТО ЖЕ получается после уточнения вставок и после сверки со словарями XIX века? Вот заново переведенное начало ноябрьского письма к барону Геккерну:

«Милостивый государь, Барон! Прежде всего дозвольте вкратце изложить все, что последовало недавно. Поведение вашего достопочтенного сына с самого начала было мне с полна известно и не могло оставлять меня безучастным; но когда скоро оно держалось в пределах пристойности, и, к тому же, ведая, насколько в сем отношении жена моя достойна моей доверенности и моего уважения, я ограничил себя ролью наблюдателя, отлагая вмешательство до времени, когда почту сие нужным».

Я хорошо знал, что приятная наружность, безответное поклонение, настойчивость сладких речей — все это обыкновенно кончается тем, что порождает какие-нибудь бабы толки на счёт молодой особы. И тогда муж, если он не во все глуп, естественным образом становится наперсником своей женой и ее наставником. Готов признаться, что и мне не было чуждо беспокойство».

Обстоятельство, которое во всякое другое время было бы пренебрежительно, выручило меня весьма щастливо: я получил несколько анонимных писем, усмотрел, что час настал, и сии воспользовался».

Прочее вам известно: я заставил вашего почтенного сына сыграть роль столь забавную и столь жалкую, что моя супруга, в изумлении от всей этой свержи, не смогла удержаться от смеха. И то волнение, которое, быть может, она ощутила из-за великих и возвышенных страстей, угасло в отвращении хладном и вполне заслуженном».

Судя по приведенным строкам, опре-

деленность, уверенность, ясность в те дни, в ноябре 1836 года, Пушкина не покидали.

Иное впечатление создает последующая часть «восстановленного» письма. Она написана не только в неслышно резком тоне, но и связана с какими-то дополнительными, не вполне известными поводами. Возможно, что эта срединная часть, строк двадцать или немногим более, не имеет отношения к ноябрьскому письму. Заметим, что заключительная часть возвращает нас к исполненной достоинства интонации начала. Да и читается она напрямую вслед за вступительной частью письма.

НА ЧТО могут опереться защитники неуязвок и несурзаностей «сводного» текста? Пожалуй, на воспоминания Владимира Соллогуба. Речь идет о втором, о январском письме Пушкина: «Письмо, впрочем, было то же самое, которое он мне читал за два месяца, — многие места я узнал; только прежде было, если не ошибаюсь, длиннее и, как оно ни покажется невероятным, еще оскорбительнее».

Полагаем, что таким и должно было быть восприятие. Уже потому, что впервые Соллогуб познакомился именно с тем, с ноябрьским письмом. А еще и потому, что первое письмо строго выдерживало дистанцию полнейшего презрения. Сей тон нравственного превосходства мог произвесть более разительное, более убийственное впечатление, чем прямые резкости, которые зачастую лишь уравнивают положение враждующих сторон.

Заодно извлечем из записок Соллогуба кое-что еще. Соллогуб повторяет, что Пушкин был в своей жене «вполне уверен». Что он «страшился светской молвы». «Боялся огласки, боялся молвы...»

«Толки», «молва», «пересуды» — это разные отголоски французского слова «коммераж».

В отсыланное и затем ставшее широко известным январское письмо не вошли строки о доверии к жене и весь абзац о «младой особе». Значит, на что опирался Соллогуб? На памятные ему места ноябрьского письма. Но в том письме мысль проявляется лишь при восстановлении в тексте упоминания о неизбежности коммеражей «на счёт молодой особы».

Посему мы продолжаем настаивать на необходимости удалить из «сводного» текста несурзанное «впечатление на ее сердце».

ОДНА и та же вставка подвела не только Джозефа Томаса Шоу. Тем отраднее выделяется обширный свод материалов «Пушкин. Последний год». Составитель хроники, С. Абрамович, сопоставил почти все известные свидетельства (за исключением недостоверных). Не потому ли она не сошла нужным привлечь «восстановленные», а вернее сказать — наугад заполненные строки?..

Если предлагаемые новые прочтения встретят общее признание, за каждым, кому близок и дорог истинный облик поэта, останется право толковать новые данные по своему разумению.

Распутывая клубок событий, мы достигли сравнительно небольшого. Страница перевода приближена к пушкинскому слогу. И несколько пушкинских слов отвоено у забвения.